
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VI

Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург
2003

Н. П. Шастина

А. М. Позднеев

(Подготовка к печати, примечания А. Г. Сазыкина)

В последнюю четверть XIX в. в монголоведении ведущая роль принадлежала Алексею Матвеевичу Позднееву (1851—1920). Он был последним по времени представителем старой школы монголоведов, характерной для XIX в., начавшейся с трудов О. М. Ковалевского и И. Я. Шмидта. Описательный метод особенно ярко выявился в трудах Позднеева. Он оставил после себя многочисленные труды, посвященные различным дисциплинам, освещающим разные стороны истории, литературы, этнографии и современной исследователю жизни монголов.

Отличаясь необыкновенным трудолюбием, Позднеев создал ряд фундаментальных трудов, общее число которых — 122 названия, из них 17 монографий, общим объемом около 400 печатных листов, что уже одно свидетельствует о широком круге разных вопросов и большом фактическом материале. Кроме того, Позднеев был хорошим организатором учебного дела. Благодаря его энергичным действиям возник Восточный институт во Владивостоке, директором которого он был в течение нескольких лет.

Просматривая библиографические списки работ Позднеева¹, видишь, что автор уделял немало внимания вопросам современности, много писал в газетах, знакомя русского читателя с различными событиями в жизни Китая, Монголии, Калмыкии. И это кроме больших основательных научных трудов, отнюдь не потерявших своего значения и в наше время. Вместе с тем, деятельность Позднеева, как организаторская, так и научная, вызывала противоречивые оценки и при жизни этого выдающегося монголоведа, и среди ученых последующих поколений.

Для современников Позднеева правильной оценке его деятельности мешало то, что он по своим политическим взглядам был крайним реакционером. Реакционные убеждения его наложили отпечаток не только на организаторскую учебную деятельность, но и на многие его труды, особенно на те, в которых освеща-

лись вопросы современного ему положения на Востоке. Для последующих поколений монголистов труды Позднеева также не всегда и во всем были приемлемы, так как в монголоведении возникли новые, более прогрессивные течения и направления, позволяющие иначе оценивать и по-иному рассматривать те же явления и процессы как в историческом прошлом народа, так и в современном его состоянии.

Несомненный интерес для истории монголоведения представляет обзор и критический анализ научного наследия Позднеева. Прежде чем перейти к рассмотрению трудов Позднеева, следует дать хотя бы краткую его биографию, отражающую путь развития ученого.

А. М. Позднеев родился в г. Орел в 1851 г. в семье священника. Учился в Орловской духовной семинарии, по окончании которой держал вступительные экзамены в Лазаревский Восточный институт² в 1872 г. Выдержав экзамены, он недолго проучился там и вскоре же уехал в Петербург и поступил на факультет восточных языков Петербургского университета.

В те годы кафедрой монгольского языка и словесности ведал профессор К. Ф. Голстунский, который и был учителем Позднеева. Кроме основного языка — монгольского, согласно программе университета Позднеев изучал также китайский и маньчжурский. Кафедру китайско-маньчжурской словесности возглавлял тогда крупнейший востоковед-китаист В. П. Васильев, который также оказал влияние на формирование научных взглядов Позднеева.

По окончании университетского курса в апреле 1876 г., Позднеев для усовершенствования в языке и для изучения жизни и быта монголов был зачислен в состав экспедиции в Монголию. Экспедиция была организована Географическим обществом. Во главе ее находился известный путешественник Г. Н. Потанин. Это было первое путешествие Потанина по Западной Монголии, которая была в те времена еще не исследо-

вана. Экспедиция состояла всего из семи человек и пробыла в Монголии почти полтора года (с июля 1876 до конца 1877 г.).

Маршруты экспедиции, начавшись с Зайсана, охватили почти всю Западную Монголию. Разнообразие в этническом отношении населения этих районов могло дать Позднееву возможность ознакомиться с западномонгольскими диалектами. Условия работы экспедиции были довольно трудными. Не обошлось и без недружелюбных столкновений. Так, в монастыре Шара-сумэ толпа лам окружила четверых приехавших всадников, среди которых были Потанин и Позднеев, бросала в них комья глины, кричала. Кончилось дело тем, что пытавшихся уехать путешественников задержали и арестовали, причем Позднеева и сопровождавшего казака побили. Только на следующий день они были освобождены и смогли продолжить свой путь.

Зиму 1876/77 г. экспедиция провела в г. Кобдо, где собирала сведения о русской торговле с Монголией. Часть собранных сведений была опубликована впоследствии Позднеевым в газете «Сибирь»³, издававшейся в Омске. Результаты путешествия были опубликованы Потаниным в двух томах⁴. Основное внимание в этом отчете о путешествии было уделено географическим сведениям.

Позднеев остался в Монголии, расставшись с Потаниным в Кобдо еще в первое посещение этого городка. Он пробыл в Монголии и Китае еще два года, занимаясь изучением жизни и быта монголов. Только в 1879 г. он вернулся в Россию, привезя с собой большую коллекцию книг и рукописей, дневников и записей, послуживших ему материалом для целого ряда работ в течение тринадцати лет. Только для восточной библиотеки Петербургского университета Позднеев приобрел в Монголии 157 рукописей и ксилографов (972 тома) различных сочинений, на что ему при отъезде был дан специальный фонд⁵.

По возвращении из первого своего путешествия по Монголии, Позднеев был зачислен в университет для подготовки к званию профессора. Согласно требованиям того времени он успешно сдал магистерские экзамены и в январе 1881 г. защитил диссертацию на степень магистра монгольской словесности. Предметом исследования была народная поэзия монголов. Материалы были собраны им во время пребывания в Урге и других местах Монголии. Диссертацию к защите Позднеев представил в печатном издании⁶.

После защиты, получив звание доцента и ведя порученные ему курсы по языку, Позднеев продолжает усиленно работать над докторской диссертацией и в довольно короткий срок представляет к защите книгу «Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ». Защита проходит успешно, но книга вызывает отрицательную рецензию Н. И. Веселовского, на которую автор поспешил ответить.

Получив затем звание экстраординарного профессора, а потом и ординарного в 1886 г., Позднеев ведет занятия в университете. Одновременно он редактирует издания религиозных книг — переводов на монгольский язык Нового Завета, христианского катехизиса и службников, выпускаемых Британским Библийским обществом. Принимает живейшее участие в

заседаниях и трудах Географического и Археологического обществ, в журналах которых публикует свои статьи.

За десятилетие 1880—1890 гг. Позднеев опубликовал более пятидесяти работ, не считая газетных статей, которые не все еще выявлены и учтены в библиографии. Среди указанных работ несколько крупных монографий, кроме магистерской и докторской диссертаций, например «Ургинские хутухты», «Города Северной Монголии», «Очерки жизни и быта буддийских монастырей» и другие. Эта последняя книга вызвала ряд рецензий, принадлежавших виднейшим востоковедам — В. П. Васильеву, И. П. Минаеву и другим авторам, отметившим крупные недостатки идеологического порядка. Развернувшаяся дискуссия о книге способствовала лучшему пониманию ламаизма. Книга вместе со всеми рецензиями до сих пор является наиболее полным описанием состояния монгольского ламства и ламаизма во второй половине XIX в.

К периоду 80-х годов относится деятельность Позднеева, связанная с так называемым «калмыцким вопросом». У калмыков, поселившихся в волжских степях в XVIII в., было недостаточно хорошо налажено обучение в начальных школах. Необходимость реформ сознавалась правительством. Поэтому Министерство государственных имуществ, в ведении которого находились калмыки, обратилось к Позднееву как к специалисту с просьбой разработать проект об устройстве народных училищ, что и было им сделано⁷. В связи с этим Позднеевым было проведено обследование уже имевшихся калмыцких школ. Было написано несколько работ о калмыках⁸.

Путешествуя по калмыцким степям, Позднеев собрал много нового материала о быте калмыков, записывал тексты сказок, добывал рукописи, что позволило ему составить отличную коллекцию текстов на письменном ойратском языке. Многие из собранных им текстов вошли в изданную им в 1892 г. «Калмыцкую хрестоматию»⁹, до сих пор представляющую ценное пособие для изучения калмыцкого языка. Составил он также ойратско-русский словарь¹⁰.

Кроме этих усиленных трудов по монголоведению и калмыковедению, Позднеев с 1889 г. вел преподавание маньчжурского языка.

В 1892 г. Министерство иностранных дел, заинтересованное в изучении положения в Монголии и Китае, финансировало путешествие Позднеева по этим районам. Путешествие началось в апреле 1892 г. и длилось до 1 октября 1893 г. За эти полтора года, проведенных в разъездах по Монголии — Внешней и Внутренней, по пограничным районам Китая, Позднеев собрал огромный материал, какой, пожалуй, не собирал до него еще ни один путешественник по Монголии¹¹. Ведь в путешествие отправился не начинающий, а уже много знающий ученый, неутомимый собиратель, обладающий большой работоспособностью¹².

Результаты сборов в свете ранее приобретенных знаний и материалов были столь велики, что автор запланировал семь больших томов, в которых предполагал дать подробное описание Монголии. Последовавшие за путешествием годы были посвящены написанию задуманной работы. Было написано три первых тома. Опубликовано только два¹³. Жизнь поставила

перед Позднеевым новые задачи, отвлекшие его от дальнейшей разработки собранных материалов.

Русское правительство уже давно испытывало необходимость иметь на Дальнем Востоке такое высшее учебное заведение, которое готовило бы специалистов хорошо владеющих языками, для работы в восточных странах. В Министерстве народного просвещения Позднеев к этому времени имел репутацию человека, способного провести организационную, созидательную работу по созданию нового учебного института на Дальнем Востоке. Владивосток был выбран местом, где должен был находиться институт.

Позднеев, не оставляя университетских занятий, где он вел в эти годы чтение нового курса истории монгольской литературы, принялся за составление проекта о новом Восточном институте. Трудно сложившиеся отношения с сотрудниками Восточного факультета также были одной из причин того, что Позднеев охотно принял предложение стать директором нового учебного института во Владивостоке. Открытию и устройению этого учреждения было отдано им несколько лет.

Позднеев в 1899 г. покинул Петербург и как директор-устроитель Восточного института обосновался во Владивостоке, где и провел около пяти лет. Одновременно с должностью директора он заведовал также кафедрой монгольской и маньчжурской словесности. Все свое внимание и силы Позднеев отдавал теперь уже не созданию новых трудов по монголоведению, а организации и улучшению учебного дела, для чего необходимо было составить и издать разного рода учебные пособия. С первого же года существования Восточного института стали выходить «Известия Восточного института». Журнал этот был первым востоковедным периодическим органом, появившимся на периферии. Редактором журнала с шестого тома по десятый включительно был Позднеев.

В декабре 1903 г. Позднеев получил новое назначение и покинул институт, где у него сложились трудные, а иногда и невыносимые отношения с сотрудниками. Новое назначение — членом Совета при Министерстве народного просвещения было в те времена продвижением вверх по служебной лестнице чинов и положения, свидетельствовало в то же время об определенных верноподданических убеждениях Позднеева. Это были глухие годы управления Министерством реакционными министрами и кандидатура Позднеева в члены Совета подходила для этих министров.

Перед отъездом из Владивостока в Восточном институте состоялось торжественное чествование отъезжающего директора-устроителя. И даже на этом заседании, когда, казалось бы, должны были раздаваться только славословия, были сказаны слова, из которых можно понять, что Позднеев человек властный и не всегда терпимый к мнениям других, что он не был любим и уважаем товарищами. Даже в официальных протоколах, опубликованных в «Известиях Восточного института», звучат эти нотки. Так, профессор Спальвин, произносивший прощальную речь от имени Совета, отмечая несомненные заслуги Позднеева в деле организации и управления институтом, сказал так: «О вас говорили, что у вас страшная нравственная сила,

но, не вполне понимая ее, прибавляли: но эта нравственная сила отрицательного характера, она убивает личность других»¹⁴. Характерны также ответные слова Позднеева, который в конце своей речи сказал: «В последний раз и от всей души благодарю всех сочувствовавших и помогавших мне и да простит Господь тех, кто не хотел правильно понять меня»¹⁵.

Дальнейшая деятельность Позднеева в течение шестнадцати последних лет его жизни была заполнена административной работой как члена Совета Министерства народного просвещения. За эти годы он не опубликовал больше ни одной работы по монголоведению¹⁶. В его архиве сохранились только различные докладные записки и отчеты по разным вопросам, что позволяет хоть немного выяснить основные его занятия в эти годы. Так, он много занимался вопросом организации изучения Востока в русских учебных заведениях, о чем сохранилась докладная записка, датированная 1904 г.¹⁷ Он принимал активное участие в составлении проекта «Общества востоковедения» и в организации его¹⁸.

Около двух лет он занимался вопросом о положении буддизма в Бурятии. Это были последние годы перед Октябрьской революцией, годы войны, когда царское правительство было обеспокоено ростом влияния лам и монастырей и стремилось ввести новый устав об управлении дацанами в Восточной Сибири. Для этого было произведено подробное обследование бурятских буддийских монастырей. Во главе обследования стоял Позднеев, совершивший несколько поездок по дацанам Забайкалья. В результате сделанного обследования Позднеев представил не одну обширную докладную записку о состоянии бурятских монастырей и их связей с Монголией и Тибетом. Он принимал самое ближайшее участие в составлении проекта нового закона об управлении буддийской религией в местах расселения бурят с целью контроля. Но шел 1917 г. и законопроект канул в Лету вместе с царским правительством.

Как встретил тайный советник Позднеев Октябрьскую революцию — не известно. Но уже в октябре 1917 г. он подал в отставку из Министерства народного просвещения и вернулся в университет. Несмотря на гражданскую войну и всевозможные трудности, несмотря на то, что ему было уже почти 70 лет, Позднеев в 1918 г. отправился в калмыцкие степи в командировку для обследования улусов и хурулов. Он не падал духом и начал собирать материалы. Оставшись на юге, он получил назначение профессором Донского университета и с необычайной энергией пытался наладить дело изучения калмыцкого языка. Составлял учебные планы, писал программу лекций по монгольской и калмыцкой словесности на учебный 1920/21 г. Это был последний труд Позднеева. Он скончался 30 сентября 1920 г. в Ростове-на-Дону.

Научное наследство Позднеева велико и разнообразно. Архив его сохранился не полностью. Он хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР¹⁹ и содержит достаточно много интересных материалов.

При рассмотрении и изучении научного наследства Позднеева сразу виден широкий диапазон его ин-

тересов, отраженный в созданных им трудах. Его привлекали в начале его научной деятельности вопросы литературоведения. Исторические изыскания были ему также близки и связаны с изучением источников. Следует установить, что нового внес он в изучение истории монголов, в изучение монгольской литературы, этнографии и т. д., какие проблемы интересовали его и как он их решал.

Так как первой основательной работой Позднеева была книга о народных песнях монголов, защищенная им как магистерская диссертация, то и обзор его трудов можно начать с рассмотрения литературоведческих проблем. Основными работами следует считать по монголоведению три: «Народные песни монголов»²⁰, три выпуска «Истории монгольской литературы»²¹ и «Монгольскую хрестоматию»²², в которой опубликовано несколько образцов литературных произведений. Из них первая книга содержит некоторые теоретические высказывания, на которых следует остановиться. Кроме трех указанных работ к разделу литературоведения относится также сборник «Калмыцких сказок»²³.

Материалом для книги о народных песнях монголов послужили записи, сделанные Позднеевым во время его первого пребывания в Монголии. Исследование было задумано очень широко. Автор предполагал опубликовать четыре выпуска, но в свет появился только первый, посвященный народным песням. Во втором выпуске должны были быть исследованы песни, не вошедшие в первый и содержащие, по словам автора, «новые темы». В третьем выпуске Позднеев предполагал рассмотреть собранные им поговорки, пословицы и загадки. Он считал их особенно интересными с грамматической точки зрения и на основе этого материала хотел изложить свои «наблюдения и изыскания о происхождении, существе и видоизменениях грамматических форм монгольского языка»²⁴. Наконец, в четвертом выпуске должна была содержаться историческая грамматика монгольского языка.

Эта программа, с которой начал молодой ученый, так и не была никогда выполнена. По-видимому, некоторая часть материалов, предназначенных для второго выпуска, вошла впоследствии в «Монгольскую хрестоматию». «Изыскания» же по языку не состоялись. Кроме учебных программ да попытки дать перевод трехязычного словаря²⁵, в печатном наследстве Позднеева не имеется исследований по лингвистике. В архиве его сохранился черновик «Грамматики монгольского языка»²⁶.

Труд о «Народных песнях монголов» содержит публикацию 65 текстов поэтических произведений, из которых 25 монгольских, 11 калмыцких и 29 бурятских. Каждый текст приводится затем в транскрипции и переводе на русский язык и сопровождается развернутым комментарием. Автор выбрал из своих материалов только записи песен, которые так любят распевать монголы не только под аккомпанемент хура, но и просто во время поездок верхом.

Подобное собрание монгольских песен появилось впервые. Это было достижением в изучении монгольского фольклора, или по терминологии того времени — народной литературы. Позднеев считал, что песни являются наиболее яркими образцами фолькло-

ра, что другие формы исчезают под влиянием буддийской поэзии. Он так и заявил в предисловии: «Эпические песни положительно у всех монгольских племен можно находить только как редкость, а воспевание похвал коню далеко уступает свое место излилиям благоговейных чувств перед Буддою»²⁷.

Полностью отрицая возможность устной передачи даже небольших стихотворений, Позднеев считал, что и письменные памятники кочевников не могут сохраниться, «не может быть об этом и речи»²⁸. Мнение это, как показали дальнейшие исследования, было ошибочным, так как у монголов эпическая традиция не прерывалась и вовсе не была заглушена церковниками. Но в восьмидесятых годах прошлого века, когда впервые была собрана Позднеевым первая коллекция фольклора, подобное ошибочное заключение могло возникнуть. Собирая впервые фольклорный материал, он брал то, что ему попадалось, а не разыскивал специальных сказителей, которые только и могли сообщить ему эпические произведения. Однако и позднеевское собрание давало хотя и неполное, но все же представление о песенном фольклоре монголов. Комментарий же и анализ отдельных стихотворений отличается не только излишним многословием, но порой и противоречивостью.

Для «Образцов народной литературы» характерны также антиламские, антибуддийские высказывания Позднеева. Собирая и записывая песни, он столкнулся и с поэтическими произведениями лам. Позднеев отметил влияние буддийской образованности на эти стихи и тут же осудил их, считая образцами ханжества. «Что же могла получить при господстве такого ханжества в народе народная песенная поэзия»²⁹, спрашивает Позднеев. Позднеев увидел в этом только одну отрицательную сторону. Он не рассматривал всесторонне ламской поэзии и ее влияния на фольклор, ограничившись лишь порицанием. Не видел положительных качеств дидактических стихов.

Осуждая ламаизм и ламство, показывая его отрицательное влияние на народное творчество, Позднеев в то же время не мог не отметить того, что «любимейшими произведениями»³⁰ для монголов были именно образцы буддийской литературы, переведенные на монгольский язык, как-то: «Улигерун далай», «Улигерун ном», «Эрдэни санг» и другие. Позднеев считает их «буддийскими сказками». В приведенных им образцах песен духовного содержания находятся отличные лирические стихи, в которых рисуются картины природы и отношение к ним человека. По наблюдениям Позднеева подобная литература была широко распространена среди монголов. «Образцы этого отдела песенной литературы в рукописях можно находить в юрте почти каждого монгола, а некоторые встречаются даже в печатных изданиях отдельными брошюрами»³¹, — отмечает автор.

В своих комментариях Позднеев впервые на русском языке дал очерк монгольского стихосложения, который, несмотря на некоторые промахи и довольно тяжелый стиль, следует признать теоретическим обобщением, заслуживающим внимания. Таково содержание книги «Народные песни монголов», и можно только пожалеть, что автор не довел до конца предполагаемого им издания последующих выпусков.

Следующей работой по литературоведению, оставшейся в истории монголоведения, была «История монгольской литературы». Три выпуска «Истории» представляют собой студенческие записи лекций, читанных Позднеевым. Лекции были литографированы и задуманы как учебное пособие. Заглавие выпусков не отражает содержания, так как это не история литературы, а собрание текстов квадратного и уйгурского письма, сопровождающихся переводом и комментариями филологического и лингвистического характера. Этот хорошо выполненный и для своего времени полный обзор является ценным пособием при изучении ранних письменных памятников. Следует также отметить, что подобный обзор появился впервые. Эти записи лекций без преувеличения можно считать выдающейся работой в истории русского монголоведения.

Третьим трудом Позднеева, относящимся к литературоведению, можно считать «Монгольскую хрестоматию». Она была издана уже после отъезда Позднеева из Петербурга. Это обстоятельство сказалось на качестве издания в недостаточной обработке материалов. Монгольская хрестоматия представляет собой собрание текстов, подобранных для учебных целей, причем даже без оглавления и каких-либо примечаний и объяснений. Поэтому при сравнении с хрестоматией Ковалевского³², снабженной весьма ценными комментариями, труд Позднеева проигрывает. Достоинством же хрестоматии является то, что она представляет собой большую коллекцию текстов, среди которых имеются редкие и прежде не известные. Потому-то нельзя не согласиться с выводом, сделанным Н. И. Веселовским в предисловии к хрестоматии: «Таким образом, эта хрестоматия, представляющая нам в новом виде содержание и объем монгольской литературы, не только принадлежит к числу учебных пособий, но является прямо научным вкладом»³³.

Позднеев поместил в хрестоматию до 75 произведений, иногда полностью, иногда в тщательно выделенных образцах, разделив их все на двенадцать отделов по содержанию и характеру языка. Среди них были неизвестные в европейском монголоведении сочинения, например «Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингиса», шаманские тексты, летопись «Алтан тобчи» и другие сочинения. Особенно следует отметить коллекцию образцов юридической литературы, представляющую в основном различные формы канцелярского делопроизводства, написанные особым «канцелярским» стилем, создавшимся у монголов во времена маньчжурской династии. Своего значения как собрание текстов хрестоматия не потеряла и в наши дни.

Труды Позднеева по истории монголов посвящены различным темам. Немалое место среди них занимает источниковедение. До Позднеева на монгольском языке были известны только две монгольские летописи³⁴, да еще «Тайная история монголов», перевод китайского текста которой был опубликован П. И. Кафаровым³⁵. Позднееву удалось во время своей первой поездки по Монголии получить восемь больших летописей, что воодушевило его приняться за их изучение.

Высоко оценивая летописи, он считал, что в них содержится много интересных сведений по истории

монголов, что буддизм не оказал на историографические труды летописцев такого глубокого влияния, как это считалось ранее³⁶. Не рассмотрев еще достаточно внимательно содержание полученных им летописей, Позднеев начал оспаривать высказывание П. С. Савельева, упомянувшего о путаном изложении событий истории монгольскими летописцами³⁷. Но когда он занялся летописями, то выяснилось, что далеко не все благополучно в монгольской историографии, и Позднеев, как бы забыв высказанные им прежде похвальные слова о летописях, стал подчеркивать их малосодержательность.

Еще во время первого своего путешествия по Монголии в 1876—1879 гг. Позднеев очень заинтересовался ламаизмом. Ламаистские монастыри в те времена имели большое значение во всех областях жизни феодальной Монголии, что не могло не броситься в глаза исследователю. Вероятно, поэтому одной из первых вышедших в свет книг Позднеева была небольшая по объему монография об ургинских хутухтах³⁸, представлявшая собой расширенный доклад, прочитанный им на третьем съезде ориенталистов, происходившем в Петербурге в 1879 г.³⁹ Тема, избранная докладчиком, давно уже привлекала внимание. И в монголоведной литературе еще не было полного освещения истории хутухт, этих духовных властителей монголов.

В основу своего исследования Позднеев положил монгольские письменные источники, главным образом биографии деятелей ламаистской церкви. Пользуясь этими материалами, автор изложил историю первого хутухты и его преемников в Монголии. Критическое отношение к религиозным преданиям и традициям позволило Позднееву отметить легендарность некоторых из них. Так, рассказывая о перерождениях Даранаты⁴⁰, происходивших до появления его в Монголии, Позднеев считает «излишним говорить о всех этих баснях»⁴¹. Так же отрицательно относится он и к сообщениям о различных вещих предзнаменованиях — снах и прочих чудесах, описаниями которых так богаты монгольские материалы. Этим ограничивается у Позднеева критика источников. В остальном он следует им в своем изложении, не проверяя сведений, не выясняя происхождение материала.

Как бы то ни было, цель, которую поставил перед собой автор, — дать достоверные сведения о появлении в Монголии хутухт, начиная от первого, родившегося в 1635 г. в семье халхаского хана, и кончая восьмым, — эта задача была выполнена. Публикуя свой доклад на конгрессе, Позднеев дополнил его расширенными объяснениями различных терминов. Эти объяснения, занимающие более половины книги (с. 39—84), заслуживают внимания, так как в них с достаточной точностью отражено значение того или иного термина, которое оно имело во второй половине XIX в. в Монголии.

Одновременно с книгой «Ургинские хутухты» Позднеев опубликовал исследование о городах Монголии⁴². Он задался целью дать исторические сведения о трех городах Северной Монголии на основании летописных материалов и документов ранее неизвестных, впервые обнаруженных и приобретенных автором во время его путешествия 1876—1879 гг. С этой

задачей Позднеев справился наилучшим образом. Он разделил свою книгу на три главы, посвятив каждую одному из трех городов: Урге или Да-Хурэ, Улясутаю и Кобдо. Он тщательно выбрал из летописи «Эрдэнийн эрихэ» сведения о возникновении первого города Северной Монголии, известного в европейской монголоведной литературе под названием Урга, установил монгольские его названия и рассказал достаточно подробно историю развития города, его первоначальные перекочевки с места на место, а затем, после 1778 г. постоянное местопребывание на берегу реки Тола при впадении в нее речки Сельби.

В подробный рассказ о своеобразии монгольского города входят и сведения о монастырях Урги. Впервые в монголоведной литературе появилось такое подробное описание, основанное на близком знакомстве автора не только непосредственно с каждым уголком города и его храмами, но и подтвержденное документальными данными. Описание не просто подробно, но и точно. Надо сказать, что когда мне впервые пришлось увидеть и обследовать в 1924 г. Ихэ-Хурэ — один из главных монастырей Урги, то, сравнивая увиденное с описанием Позднеева, нельзя было не подивиться скрупулезности и точности его материалов. Много, очень многое из того, что было описано им в 1880 г., оставалось неизменным за прошедшие 45 лет.

Обе книги Позднеева — «Ургинские хутухты» и «Города Северной Монголии», появившиеся одновременно в 1880 г., были сделаны для своего времени на высоком научном уровне, внесли в монголоведение новые достоверные материалы, не утратившие своего значения и в настоящее время. Обе указанные книги являются для нас теми историческими исследованиями, в которых сохранились живые наблюдения над тем, что стало ныне уже прошедшей стариной. Свой путь в исторической науке Позднеев начал с двух удачных исследований.

Стремление изучать ламаизм не оставляло Позднеева. Собранные им материалы позволили ему написать еще две большие работы на эту тему. Одна из них вряд ли может быть отнесена к историческим исследованиям. Это скорее этнографическое, подробное описание внешних сторон деятельности ламаистской церкви, ее организации, устройства монастырей, культовой обрядности, монашеских обетов и прочего⁴³. Книга эта чрезвычайно богата материалом, но за описаниями, многими частностями от автора ускользает главное — сущность ламаизма и его значение в истории монгольского общества. Несмотря на этот весьма существенный недостаток, книга имеет вместе с тем определенную ценность, так как дает множество сведений об одном из крупнейших явлений в истории монголов. Изучение ламаизма являлось одной из главных проблем монголоведения в XIX в., но только Позднееву удалось зафиксировать и описать столь подробно состояние ламаистской церкви во второй половине XIX в.

Сразу же по выходе в свет «Очерков жизни и быта буддийских монастырей» они вызвали оживленное обсуждение в печати — пять рецензий, авторами которых были крупнейшие специалисты. Подобное обилие откликов, в некоторой части критических, весьма

знаменательно. Еще ни разу в истории русского монголоведения не случилось, чтобы на книгу, посвященную специальному вопросу, откликнулось бы сразу столько рецензентов.

Очень любопытна рецензия В. П. Васильева, в которой знаменитый китаист дал краткую, но выразительную оценку трудов путешественников по Монголии, подчеркнув, что путешествовавшие лица, не имевшие специального востоковедного образования. Поэтому они обращали внимание главным образом на природу, животный мир и прочее, забывая о людях, столкнуться с которыми не могли по незнанию языка. «Как бы то ни было, — пишет Васильев — тот, кто путешествует по стране с знанием языка и литературы, будет писать совсем не то, что автор простых путевых впечатлений, странствователь по суше и морям»⁴⁴. Позднеев отвечал, по мнению Васильева, таким требованиям и следовательно именно он «мог бы начертать такую картину быта буддийского духовенства в Монголии, какую представляет труд г. Позднеева»⁴⁵. Пользуясь материалом книги, Васильев кратко очертил экономическое и политическое значение ламаизма в жизни монголов и бурят.

Другой рецензент профессор И. П. Минаев, крупнейший знаток индийского буддизма, в своем отклике на книгу Позднеева остановился прежде всего на практическом значении поднятого вопроса, что видно даже из названия рецензии: «Апология ламства»⁴⁶. При этом рецензент отметил эволюцию взглядов автора на ламство, указав на излишнее прославление его, противоречащее более ранним критическим высказываниям. Кроме того, Минаев сделал ряд замечаний о неправильных и неудовлетворительных описаниях и переводах Позднеева.

Позднеев тотчас же откликнулся на рецензию Минаева, опубликовав довольно обширный ответ и вступив в полемику с рецензентом⁴⁷. Этот ответ, написанный в состоянии запальчивости⁴⁸, достаточно ясно характеризует не только нетерпимое отношение автора к критике, но и отношения, сложившиеся между учеными.

Стремление выяснить значение института хубилганов в ламаизме подтолкнуло Позднеева к исследованию монгольских летописей⁴⁹. Он остановил свое внимание на неизвестной до того времени летописи халхаского летописца тусалакчи Галдана, из которой выбрал главы, относящиеся к жизни и деятельности первого из монгольских гэгэнов, имевшего значительное влияние на судьбу Северной Монголии в труднейший исторический период. Несомненно, личность Ундур-гэгэна заслуживала исследования. Следует признать, что для Монголии XVII в. это был крупнейший политический деятель, как бы отрицательно ни относились к нему позднейшие исследователи истории монголов.

Позднеев опубликовал выбранные им главы из летописи, снабдил их переводом и обширнейшим комментарием, который озаглавил «Взгляд на состояние Халхи во второй половине XVI и начальных годах XVII в.». Этот комментарий и представляет собой историческое исследование, к которому приложен монгольский текст выбранных из летописи нескольких глав и их перевод. Исследование и является основной

и главной частью книги и по своему объему (274 стр.) и по значению, что противоречит названию, данному автором на титульном листе. Не монгольская летопись является предметом изучения. Она служит лишь предлогом к историческому исследованию. Только «Введение» посвящено обзору монгольской исторической литературы, т. е. летописей и хроник, которые до того были совершенно неизвестны в монголоведении. Позднеев во время своего пребывания в Монголии собрал большую коллекцию рукописей, среди которых были и труды по истории монгольских авторов. Характеристике этих работ, всего восемь, и посвящено «Введение».

Автор невысокого мнения о летописи, выбранной им для перевода, о чем и говорит совершенно откровенно: «Оценивая летопись тусалакчи Галдана как памятник исторический, я скажу, что в большинстве случаев она, бесспорно, ничтожна по своему содержанию»⁵⁰, «что в ней масса фактов [...] бессвязно и отрывочно изложенных во всех вообще монгольских летописях последнего издания»⁵¹. Однако он выбрал ее потому, что материалы, в ней содержащиеся, позволяют не только изложить события XVII в. из истории Халхи, но и «упорядочить достовернейшие материалы для истории халхасов»⁵².

Привлечение других материалов при исследовании летописи было новым в монголоведении. Это была первая попытка критического отношения к содержанию рукописи. Другим новшеством была постановка вопроса о достоверности содержания летописи. С этой точки зрения публикуемые семь глав, по мнению автора, заслуживают внимания, так как при их составлении монгольский летописец использовал официальные документы и другие источники. Невольно Позднеев впадает в некоторое противоречие, объявляя сначала летопись ничтожной, а затем достоверной и обстоятельной⁵³.

Публикация семи глав из летописи «Эрдэнийн эрихэ» по сравнению с изданиями И. Я. Шмидта⁵⁴ и Г. Гомбоева⁵⁵ представляет собой шаг вперед в текстологическом отношении. Во-первых, были приняты во внимание два варианта летописи и учтены разночтения. Во-вторых, Позднеев установил путем сравнения текстов один из источников «Эрдэнийн эрихэ», а именно «Илэдхэл шастир»⁵⁶ и тем ввел в научный обиход этот важный исторический источник XVII—XVIII вв. Выяснение использования летописцем других произведений является необходимой частью текстологического исследования. Кроме того, Позднеев сообщил во «Введении» содержание всей летописи, разбив ее на главы и составив оглавление. Все это положительные стороны работы.

Текст и перевод семи глав летописи занимают 92 страницы. Почти триста страниц посвящены исследованию под титулом «Пояснения». Из этого сопоставления видно, что публикация текста и перевода не являлись главной задачей исследователя. Он больше стремился к тому, чтобы выяснить ход политической истории монголов в XVII в. Намереваясь описать события на основании монгольских первоисточников, Позднеев решил, что их недостаточно, т. к. материалы в них изложены бессвязно и отрывочно⁵⁷ и необходимо привлечь для упорядочения и разъяснения ки-

тайские источники. Им было использовано сочинение Шэн-у-цзи, записки маньчжурских генералов, летопись «Варги амарги ба-бо нэчихемо токтобухи бодохон-и битхэ» и другие сочинения. В приложении даже даны переводы с маньчжурского. И как это ни странно, но исследователь попал под влияние не монгольских материалов, а чужих, да еще таких, в которых ярко выражены захватнические тенденции по отношению именно к монголам.

Позднеев крайне неразборчиво пользуется китайскими и маньчжурскими сочинениями, принимает на веру высказанные в них положения, употребляет терминологию явно враждебную монголам. Использование этой терминологии и некритическое отношение к китайским и маньчжурским сведениям привело к неправильным оценкам событий монгольской истории. Так, например, Позднеев рассматривал борьбу Галдана-Бошукту как мятеж, поднятый «разбойниками»⁵⁸. Употребление выражения «разбойники» по отношению к народу, отстаивающему свою независимость, характерно для маньчжурской историографии, и Позднеев вместо того, чтобы правильно оценить подобное словоупотребление, пользуется им некритически. Это даже не небрежность в употреблении терминологии, а предвзятость взгляда на монголов, полное неумение разобраться в источниках и правильно понять позиции как монгольского летописца Галдана, так и враждебных монголам маньчжуров. Именно поэтому большая работа по составлению политической истории Халхи в XVII и первой половине XIX в. оказалась не вполне состоятельной.

Разбору недостатков работы посвящена рецензия Н. И. Веселовского⁵⁹. Имея в виду именно эту работу Позднеева, Б. Я. Владимирцов отмечал, что пользоваться трудами Позднеева надо с осторожностью, проверяя его небрежности в обращении с источниками⁶⁰. Н. И. Веселовский очень основательно разобрал ошибки Позднеева. Не сомневаясь в его эрудиции, в знании им не только монгольских, но и маньчжурских материалов, он подверг тщательному рассмотрению умение Позднеева «обращаться с источниками»⁶¹, обратку им материалов. Критика была уничтожающая. Замечания рецензента, по-видимому, повлияли на дальнейшие работы Позднеева по истории Монголии. Он больше не берется за исторические темы, уделяя больше внимание источниковедению. И Позднеевым немало сделано в этой области.

Для нужд университетского преподавания Позднеев издал литографским способом собранную им коллекцию образцов различных деловых бумаг⁶². Изданные Позднеевым образцы впоследствии дважды переиздавались тем же литографским способом⁶³. Из источниковедческих публикаций особого внимания заслуживают публикации письма Алтан-хана Тумэтского⁶⁴ и издание «Хождения в Тибет малодербетского База Бакши»⁶⁵.

Письмо Алтан-хана Тумэтского было опубликовано в роскошном издании, выпущенном по случаю столетия со дня основания L'Ecole des langues vivantes orientales в Париже и предназначенном для юбилейного подарка⁶⁶. Позднеев дал для этого издания хоть и небольшую статью, но с очень эффектным приложением — публикацией фоторепродукции с подлинника,

приобретенного им в Пекине в 1893 г.⁶⁷ Как оказалось впоследствии, Позднеев приобрел не оригинал письма, а только его копию, точнее второй экземпляр, сделанный автором-китайцем. Это обстоятельство отнюдь не уменьшило значение публикуемого документа, который Позднеев считал чуть ли не единственным памятником монгольской письменности, дошедшим до нас от времени династии Мин. Позднеев считал период от XIV по XVI вв. «темным периодом», во время которого монголы утратили культурные приобретения и чуть ли не разучились писать. Этой же точки зрения он придерживается и в данной статье, но несколько смягчает ее формулировку.

Прежде чем приступить к описанию этого письма, которому более приличествует наименование «грамма» из-за роскошного оформления, Позднеев отводит несколько страниц краткому рассказу о достижениях европейского монголоведения. Помня о назначении сборника, он говорит о работах Абель Ремюза далеко не так отрицательно, как говорил об этом раньше⁶⁸. Теперь Позднеев называет публикации Абель Ремюза «блестящими», хотя и указывает на погрешности сделанного тем перевода. Перечисляя труды европейских ученых по монголоведению, он отдаст им должное в исследовании монгольской литературы периода Юаньской династии.

Разбирая двуязычный текст письма Алтан-хана, Позднеев дает ему верную оценку: «Обращаясь к рассмотрению письма Алтан-хана, как памятника монгольской литературы, должно сказать, что оно едва ли заслуживает этого названия, ибо в нем нет почти ничего монгольского»⁶⁹. Действительно, перед нами эффектное, красивое послание XVI в., но литературным памятником его никак нельзя назвать. И не потому, что оно было выполнено китайским мастером, а потому, что это обычное письмо о посылке подарков или, как это называли китайцы, дани. Однако оно свидетельствует о том, что письменность у монголов отнюдь не прекращалась. Публикация Позднеевым этого письма как редкого образца монгольской письменности XVI в. было достаточно интересным явлением в истории русского монголоведения.

Другой значительной работой Позднеева по источниковедению была публикация калмыцкого текста и перевода с примечаниями «Сказания о хождении в Тибетскую страну мало-дэрбэтского База-Бакши». О поездках в Тибет, совершаемых ламами с целью поклонения Далай-ламе и буддийским святыням Тибета, было известно еще в XVIII в.⁷⁰, но только в 1897 г. Позднеев впервые опубликовал полученные им за год до того записки калмыцкого ламы, совершившего это трудное путешествие в далекую страну.

Из истории исследования Тибета известно, с каким трудом удавалось английским путешественникам проникать с юга в Тибет. Как пытался Н. М. Пржевальский пройти в Лхасу северным путем, что ему так и не удалось осуществить. К концу XIX в. было совершено несколько путешествий ученых различных национальностей, которым, однако, так и не удалось проникнуть во внутренние области Тибета. Горная страна оставалась все еще неизведанной и неизученной. Исследование Тибета в конце XIX в. было одной из значительных задач востоковедной науки. Поэтому

всякие сведения о Тибете, полученные в результате непосредственных наблюдений, не могли не заинтересовать ученых мир. Публикация выбранных Позднеевым записок База-бакши была не только своевременна, но и представляла собой совершенно новое явление в изучении монголоязычных народов, так как вводила в науку новый вид письменных источников⁷¹.

Калмыцкий лама База-бакши отправился в Тибет в 1891 г. для поклонения Далай-ламе. Ему понадобилось три года, чтобы совершить это путешествие. В географическом отношении записки его дают не много сведений — только названия остановок, да изредка описания ландшафта. Несколько более четко выявляются этнографические материалы, как-то: описания одежды, жилищ тангутов, чайдамских монголов и т. д. Описание Лхасы заслуживает особого внимания, ведь для конца XIX в. Лхаса была не только неизведанным городом, но и таинственным местопребыванием «живого Будды», о котором было известно немного. Поэтому всякие сведения о Лхасе, записанные человеком, видевшим воочию ее храмы, знаменитую Поталу⁷², были достойны внимания. А База-бакши был человеком наблюдательным и по-ламски образованным. Кроме этих наблюдений о жизни в Лхасе, описаний небольших поездок из Лхасы к различным священным для буддистов местам, которые содержат записки База-бакши, они замечательны еще тем, что представляют своеобразный жанр монгольской литературы⁷³.

Вводная статья к «Сказанию» содержит биографические сведения о его авторе, которого Позднеев знал лично, а также краткие сведения об отношениях между Тибетом и Калмыкией, возникших во второй половине XVIII в.

Несомненный интерес представляют сведения о грамоте Далай-ламы, данной калмыкам в 1756 г. во время посольства Галдан-Цэрена в Тибет. Позднеев ограничился тем, что поместил в своей работе перевод текста на калмыцкий язык, выполненный еще в XVIII в. Оригинал же был написан на тибетском языке. Возможно, грамота была двуязычной, написанной на полотно из желтого шелка, подобно грамотам, найденным несколько лет тому назад в Западной Монголии⁷⁴. Грамота хранилась в монастыре Дунду-хурул. Где она находится в настоящее время — не известно.

Кроме отмеченных выше трудов Позднеева по литературе и истории монголов, по изучению буддизма и источников, нельзя также обойти молчанием его дневниковые записки путешествия по Монголии в 1892—1893 гг. Как уже было сказано выше, автор предполагал опубликовать семь томов, в которых хотел дать полное описание Монголии. Два первых тома были заняты дневником путешествия, третий том был посвящен описанию административного устройства и политико-экономического состояния страны. В четвертом томе предполагалось дать полное описание ламаизма. В пятом томе автор хотел дать этнографический и фольклорный материал. В шестом — сведения по русской и китайской торговле в Монголии. И, наконец, седьмой том должен был содержать исследование по истории княжеских семейств, находившихся во главе владений⁷⁵.

Задумана была обширная программа, какой еще никто из монголоведов не предлагал. Но именно по-

тому, что она была слишком велика, она и осталась невыполненной. Ведь в конце XIX в. монголоведение хотя и считалось еще единой наукой о Монголии и монголах, но накопилось много знаний, и в это время уже наметилось выделение отдельных дисциплин, входивших в комплекс этой единой науки. Было трудно уже охватить все сделанное предшественниками, чтобы дать описание всех сторон жизни монголов.

В предложенной программе были и другие слабые стороны. Так, например, посвящая седьмой том историческим исследованиям, автор крайне ограничил свою задачу, предположив дать на основе «Илэдхэл шастир» сведения только «о всех владетельных княжеских домах Монголии, возвысившихся собственно в период подданства монголов маньчжурам и играющих роль именно в настоящую пору в Монголии»⁷⁶. В этом объяснении отчетливо виден классовый подход к пониманию исторического процесса только как изложения истории князей, в чем его упрекал еще Н. И. Веселовский в рецензии на «Эрдэнийн эрихэ».

Из семи предполагаемых томов опубликованы были только два первых и написан третий том, рукопись которого сохранилась⁷⁷. Опубликованные тома содержат дневник путешественника. Главной целью дневниковых записей путешественника были исторические и отчасти этнографические сведения о пройденных местах, особенно о городах, монастырях и т. д. О содержании своих дневников Позднеев пишет следующее: «В дороге я изо дня в день вел возможно полные дневники, стараясь представить в них не только описание пройденных пространств, но записывать также все удавшиеся мне наблюдения частных событий, все свои встречи, разговоры и прочее. В городах и другого рода правительственных центрах, равно как и в больших монастырях, я дневников уже не вел, а сосредотачивал свои занятия на теоретических исследованиях страны под руководством местных знатоков и при пособии разного рода письменных памятников»⁷⁸.

В книге Позднеева мы находим подробные сведения об Урге, истории ее возникновения и развития. При сравнении материалов по истории и описанию города с ранней работой Позднеева «Города Северной Монголии» выясняется, что приводимые на этот раз сведения значительно полнее и богаче. То же следует отметить и о главах, относящихся к описаниям других городов Монголии, как-то: Улясутая и Кобдо. При описании Цзаин-шаби (современный Цецерлик), монастыря Эрдэни-Дзу Позднеев использовал новые монгольские материалы, которые до этого не были совсем известны или о них знали только по заглавиям.

Так, среди материалов, использованных Позднеевым в главе VIII о хубилганах Джебцзун Дамба-хутухты, приводится впервые биография Ундур-гэгэна, частично в переводе, частично в изложении. Это историко-религиозное сочинение содержит много интересных сведений наряду с легендарными подробностями из жизни и деятельности первого монгольского хутухты.

Уделяет автор внимание и надписям на камнях, которые он называет «каменнописными памятниками». Позднеев неизменно отмечает местоположение древних памятников, получивших название «оленных камней», которые монголы называют «хошо-чулу»

(памятник-камень), дает их описание, сообщает размеры и т. д. Он старательно регистрирует и описывает попадавшиеся ему по дороге древние могильники, называемые по-монгольски «хэрэксурь». В этом отношении книга Позднеева послужила путеводителем для последующих исследователей монгольских древностей.

Многих описанных Позднеевым памятников ныне уже не существует. Тем большую ценность представляют эти описания, единственное свидетельство о пышных некогда постройках ламаистских храмов и монастырей. В качестве примера можно указать на надпись, сделанную Лигден-ханом (1604—1634) на каменной плите в Цаган-субурга, воздвигнутом этим же знаменитым в истории Монголии политическим деятелем. Позднеев первый открыл этот интересный памятник, снял копию с монгольского и тибетского текста, которую и включил в свою книгу, сопроводив ее переводом.

Памятник этот впоследствии был разрушен. От надписи не осталось и следа. Через двадцать пять лет после Позднеева в городище Цаган-субурга побывал ученый, бельгийский миссионер Мюлли и обнаружил лишь мельничный жернов, сделанный из камня с надписью⁷⁹. Еще через двадцать лет ее искал В. Хайсиг, тщательно обследовавший обнесенный стеной четырехугольник разрушенного монастыря, но не смог уже ничего найти⁸⁰. Надпись на камне, простоявшая до 1893 г. почти триста лет, исчезла в последующие два-три десятилетия. Все что от нее осталось — сведения в книге Позднеева.

Использование монгольских материалов, открытие новых исторических памятников и их описание, записи интересных бесед с монголами, в которых обрисованы жизнь и быт в монгольской степи, исследования о городах и монастырях — все это составляет положительную сторону труда Позднеева. Однако есть и недостатки. Это и небрежность в переводах, и не всегда удовлетворительное издание им текстов. Вот что пишет Владимирцов об издании текста надписи из Цаган-субурга: «Надпись Легдан-хана заканчивалась перечислением лиц, участвовавших в постановке памятника, но А. М. Позднеев опустил это место как в текстах, так в переводе, поясняя следующим образом: „как эти имена не имеют для нас значения, то они и не воспроизводятся дословно“»⁸¹. Подобное обращение с текстом, произвольное его сокращение не должно иметь места.

Несмотря на имеющиеся недостатки, два тома сочинения «Монголия и монголы» заслуживают и высокой оценки, и благодарной памяти потомков. В них дана яркая картина жизни и быта монголов перед концом периода маньчжурского господства, подобной которой не найдешь более ни у кого другого. Позднеев как на фотографии зафиксировал то, что видел во время своих путешествий. Он не поднялся выше описаний, он только констатировал увиденные факты. Тем не менее, такие его труды как «История монгольской литературы», «Монгольская хрестоматия», «Очерки жизни и быта буддийских монастырей», «Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ», два тома работы «Монголия и монголы» составляют ценный вклад в историю изучения Монголии.

При всех недостатках, ошибках и мелких недочетах, труды Позднеева заслуживают внимания и положительной оценки. В истории русского монголоведения А. М. Позднеев представляет собой яркое и весь-

ма значительное явление еще и потому, что является как бы заключительным аккордом большого периода в истории данной науки, каким был XIX в. с его открытиями и монументальными трудами.

Примечания

1. Список работ Позднеева помещен в предисловии к первому тому его труда «Монголия и монголы» (см. примеч. 13). Полную библиографию трудов ученого см.: *Walravens H. A. M. Pozdneeve: eine Bibliographie des Mongolisten // Mongolian Studies. Journal of the Mongolia Society. Vol. XVII. Bloomington, 1994. P. 21—76.*
2. Лазаревский институт восточных языков основан в Москве в 1815 г. как частное Армянское Лазаревское училище. Статус института получил в 1827 г. и был передан в ведение Министерства народного просвещения. С 1921 г. — Московский институт востоковедения.
3. *Позднеев А. М. О русской торговле в Монголии // Сибирь. 1879. № 8.*
4. *Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия исполненного в 1876—1877 гг. Два выпуска с картой и таблицами. СПб., 1881.*
5. Эти материалы хранятся теперь в Рукописном фонде библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, см.: *Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky with assistance from O. Inoue. Edited and Foreword by T. Nakami. Tokyo, 1999.*
6. Образцы народной литературы монгольских племен. Выпуск первый. Народные песни монголов / Собраны и изданы с приложением примечаний о характере народной песенной поэзии монгольских племен, стихотворениях литературных и приемах стихосложений у монголов А. Позднеевым. СПб., 1880.
7. О преобразовании учебной части у калмыков Астраханской губернии / Составил А. Позднеев. СПб., 1889.
8. *Позднеев А. Несколько слов об астраханских калмыках // Восточное обозрение. 1883. № 46—48; Позднеев А. К вопросу о быте калмыков // Эхо. 1885. № 1450; Памятники исторической литературы астраханских калмыков в подлинном калмыцком тексте / Издал А. Позднеев. СПб., 1885; Позднеев А. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 244, отд. 2. СПб., 1886. С. 140—170; Позднеев А. Калмыцкие хурулы и их утвари // Астраханские епархиальные ведомости. 1887. № 16.*
9. *Позднеев А. Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ. 1-е изд.: СПб., 1892; 2-е изд.: СПб., 1907; 3-е изд.: СПб., 1915. Черновик хрестоматии хранится в монгольском фонде Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН, см. *Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М., 1988. № 413.**
10. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах / Составил А. Позднеев, член совета Министра Народного просвещения, профессор и директор Практической Восточной академии. СПб., 1911.
11. Одним из замечательных результатов этого путешествия стало также приобретение для библиотеки Санкт-Петербургского университета полного 113-томного рукописного «Ганджура» на монгольском языке первой половины XVII в. Об обстоятельствах приобретения этой уникальной рукописи см.: *Касьяненко З. К. Монгольский рукописный Ганджур // Востоковедение. Вып. 3. Л., 1977. К настоящему времени опубликован полный каталог позднеевского «Ганджура», см.: Каталог петербургского рукописного «Ганджура» / Сост., введ., транслитер. и указ. З. К. Касьяненко // Памятники письменности Востока СII. (Bibliotheca Buddhica XXXIX). М., 1993.*
12. На заседании Географического общества Позднеев сделал доклад о своем путешествии, который был затем напечатан, см.: *Поездка по Монголии в 1892—1893 гг. А. Позднеева. (Читано в экстренном собрании Императорского Русского Географического общества 23-го ноября 1893 г.) // Записки Императорского Русского Географического общества. № 30, вып. 2. СПб., 1894. С. 145—184.*
13. *Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. А. Позднеевым. Т. I: Дневник и маршрут 1892 года. СПб., 1896; Т. II: Дневник и маршрут 1893 года. СПб., 1898; Pozdneevev A. M. Mongolia and the Mongols. Vol. 1. 1892 / Translated from the Russian by J. R. Shaw and D. Plank. Bloomington, 1971 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. 61); Vol. 2. 1893. Editor J. R. Krueger. Translated from the Russian by W. H. Dougherty. Bloomington, 1977 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. 61/2).*
14. *Известия Восточного института. Т. XI, прилож. 3.*
15. Там же.
16. Это действительно так. Специальных монголоведных работ Позднеев уже более не публиковал, однако в этот период появился такой значительный труд ученого, как: *Учебник тибетской медицины. bDud-rci sñing-po yan-lag-brgyad-pa gsang-ba man-ngag-gi gyud. Rasiyan-u jirūken nayiman gesigūti niyuča ubadis-un ündisün. Т. 1. С монгол. и тибет. перевод А. Позднеев. СПб., 1908. Издание содержит монгольский текст и перевод двух начальных глав учебника тибетской медицины «Джуд-ши». Перевод был закончен Позднеевым осенью 1878 г., но по различным обстоятельствам (см. предисловие к изданию) в свет он смог появиться лишь тридцать лет спустя.*
17. К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях. Докладная записка от 8 октября 1904 г. (Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 150); *Позднеев А. К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях (на правах рукописи). СПб., 1904.*
18. К вопросу об учреждении курсов восточных языков при Обществе востоковедения. 1907 г. (Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 152).
19. В настоящее время — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук.
20. См. примеч. 6.
21. Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1895/96 акад. году / Записал и издал студент Х. П. Кристи. СПб., 1896; Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1896/97 акад. году. Т. II / Записал и издал студент Х. П. Кристи. СПб., 1897; Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором Императорского С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1897/98 акад. году. Т. III / Записаны и изданы бывшими студентами Факультета восточных языков Императорского университета Г. П. Подставиним и Г. Ц. Цыбиковым. Владивосток, 1908.
22. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная А. Позднеевым, бывшим ординарным профессором С.-Петербургского университета, ныне директором Восточного Института в г. Владивостоке. С предисловием профессора Н. И. Веселовского. СПб., 1900. Рукопись хрестоматии находится в монгольском фонде Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН, см.: *Сазыкин А. Г. Каталог. № 422.*

23. Калмыцкие народные сказки / В подлинном калмыцком тексте издал А. Позднеев. СПб., 1886 [литография]; Калмыцкие народные сказки, собранные в калмыцких степях Астраханской губернии и в подлинном калмыцком тексте изданные А. М. Позднеевым. I. СПб., 1892. Рукописи калмыцкого текста опубликованных сказок хранятся в монгольском фонде Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН, см.: *Сазыкин А. Г.* Каталог. № 90, 92.
24. Образцы народной литературы. С. IV.
25. Монгольско-китайско-маньчжурский словарь в русско-французском переводе А. Позднеева, директора Восточного института. Выпуск I. Владивосток, 1901.
26. Грамматика монгольского языка (фонетика и морфология) (Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 3).
27. Образцы народной литературы. С. V.
28. Там же. С. 55.
29. Там же. С. 81.
30. Там же. С. 94.
31. Там же. С. 301—302.
32. *Ковалевский О.* Монгольская хрестоматия. Т. I. Казань, 1836; Т. II. Казань, 1837.
33. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, составленная А. Позднеевым. С. XVIII.
34. Здесь, видимо, имеются в виду изданная Шмидтом летопись Саган-Сэцэна (см. примеч. 54) и «Алтан тобчи», опубликованная Гомбоевым (см. примеч. 55).
35. *Палладий.* Старинное монгольское сказание о Чингис-хане // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866.
36. *Позднеев А. М.* О монгольской исторической литературе по памятникам, хранящимся в Императорском С.-Петербургском университете // Восточное обозрение. № 5, 6.
37. См. примеч. 55.
38. *Позднеев А. М.* Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880. В 1881 г. эта работа Позднеева была переведена на монгольский язык. Рукопись перевода хранится в монгольском фонде Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН, см.: *Сазыкин А. Г.* Каталог. № 602.
39. Труды III Международного съезда ориенталистов. С.-Петербург, 1879/80. Т. I. С. 371—454.
40. Дараната (Таранатха) — известный религиозный и политический деятель Тибета (1575—1635), хубилганами (перерождениями) которого почитались все монгольские Джебцзун Дамба-хутухты.
41. *Позднеев А. М.* Ургинские хутухты. С. 4.
42. *Позднеев А. М.* Города Северной Монголии. СПб., 1880.
43. *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887; *Pozdnev A. M.* Religion and Ritual in society. Lamaist Buddhism in late 19th-century Mongolia / Edited by J. R. Krueger. Translated from the Russian by A. Raun and L. Raun. Bloomington, 1978; *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста, 1993 (репринтное изд.).
44. Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1888. Июнь. С. 421. Далее — ЖМНП.
45. Там же. С. 430.
46. *Минаев И. П.* Апология ламства // ЖМНП. СПб., 1888. Июнь. С. 434—448.
47. *Позднеев А. М.* Ответ на рецензию проф. И. П. Минаева на сочинение «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии» // ЖМНП. СПб., 1888. Декабрь. С. 304—323.
48. О запальчивости свидетельствует, например, следующее утверждение Позднеева. Доказывая, что ламы не пьяницы, он подчеркивает, что они пьют водку как «невиннейший из напитков» (примеч. Н. Шастиной).
49. *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающимися в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883.
50. Там же. С. XVI.
51. Там же. С. XXIV.
52. Там же. С. IX.
53. Там же. С. XVII.
54. *Schmidt I. J.* Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St. Petersburg, 1829.
55. «Алтан Тобчи». Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами / Перевод ламы Галсана Гомбоева. Предисловие П. С. Савельева // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч. VI. СПб., 1858.
56. «Илэдхэл шастир» — обиходное название послужного списка монгольских, ойратских и туркестанских князей.
57. *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». С. XXIII.
58. Там же. С. 214.
59. *Веселовский Н. И.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» А. Позднеева // ЖМНП. СПб., 1884. Июнь. С. 237—262.
60. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 24.
61. *Веселовский Н. И.* Монгольская летопись. С. 239.
62. *Позднеев А.* Официальные бумаги монгольского гражданского и уголовного делопроизводства. СПб., 1883.
63. Монгольские официальные бумаги, собранные А. М. Позднеевым. СПб., 1898.
64. *Позднеев А. М.* Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин // Восточные заметки. СПб., 1895. С. 367—386.
65. Сказание о хождении в Тибетскую страну мало-дэрбэтского База Бакши / Калмыцкий текст с переводом и примечаниями составленными А. Позднеевым, ординарным профессором Императорского С.-Петербургского университета, почетным членом Королевского Нидерландского географического общества в Амстердаме. СПб., 1897.
66. В сборнике приняли участие только профессора С.-Петербургского университета, по инициативе которых он и был создан. В сборнике было опубликовано всего четырнадцать статей. Тираж был всего 322 экземпляра (примеч. Н. Шастиной).
67. Несколько экземпляров этой репродукции, озаглавленной «Грамота Алтан-хана тумэтского к Минскому богдохану годов правления Вань-ли», хранятся в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 107.
68. *Позднеев А. М.* Народные песни монголов. С. 46—47.
69. *Позднеев А. М.* Новооткрытый памятник. С. 375.
70. Из XVIII в. до нас дошло только одно описание путешествия в Тибет, предпринятого в 1734—1741 гг. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым. Составлено описание было значительно позже — в 1775 г. по требованию Императрицы Екатерины II. Текст этих записок Позднеев включил в состав своей «Монгольской хрестоматии» (с. 34 — 37). Перевод описания путешествия Заяева см.: *Сазыкин А. Г.* Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. М., 1989. С. 117—125.
71. Готовил к изданию Позднеев также записки одного бурятского паломника. В Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН в фонде Позднеева хранятся несколько корректурных листов с текстом и переводом начала записок, озаглавленных: «Описание путешествия Лубсан Миджид-Дорджи» (ф. 44, оп. 1, ед. хр. 112). Позднеевские материалы были использованы при подготовке полного издания описания путешествия этого ламы, см.: *Sazykin A. G., Yondon D.* Travel-Report of a Buriat Pilgrim, Lubsan Midjid-Dordzi // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. XXXIX (2-3). Budapest, 1985. P. 205—241.
72. Потала — гора в Лхасе, на которой расположен одноименный дворец Далай-лам.
73. О записках паломников к святыням Тибета см.: *Дугар-Нимаев Ц.-Ж.* О жанре хождений в бурятской литературе XIX в. // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. I. Серия литературы, фольклора и истории. Элиста, 1974. С. 147—159;

- Сазыкин А. Г.* Описание путешествий в литературном наследии монгольских народов // *Страны и народы Востока*. Вып. XXVIII. СПб., 1994. С. 26—35.
74. *Ринчэн*. Ойратские переводы с китайского // *Rocznik Orientalistyczny*. Т. XXX (1). Warszawa, 1966. P. 65.
75. *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Т. I. С. XXIII—XXVI.
76. Там же. С. XXVI.
77. Машинописный экземпляр третьего тома хранится в библиотеке Института международных отношений (примеч. Н. Шастиной).
78. *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Т. I. С. XXII.
79. *Mullie J.* Les anciennes villes de l'empire des grands Leao // *T'oung Pao*. 1922. P. 182.
80. *Heissig W.* A Lost Civilization. The Mongols Rediscovered. London, 1966. P. 122.
81. *Владимирцов Б. Я.* Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Статья вторая // *Известия Академии наук СССР*. Л., 1927. С. 236—237, примеч. 3.